

МЕДИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

© ПРИСЯЖНАЯ Н.В., 2019

*Присяжная Н.В.*КОНСТРУИРУЕМЫЙ ОБРАЗ РЕБЕНКА-СИРОТЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
МОСКВИЧЕЙ

Институт социальных наук ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет), 119021, г. Москва, Россия

Рассмотрены представления жителей г. Москвы о проблеме социального сиротства — ситуации, при которой ребенок остается без фактического попечения родителей. Автор отмечает, что явное неблагополучие семьи, по наблюдениям участников опроса, чаще всего связано с наличием у родителей зависимости от психоактивных веществ, тогда как ситуация «скрытого» социального сиротства формируется вследствие высокой трудовой занятости или центрировании на собственных интересах родителя (родителей). При этом имеющиеся у респондентов представления об образе ребенка-социального сироты носят негативную коннотацию, что отражается в конструируемом образе ребенка-сироты — это ребенок любого пола в возрасте от 7 до 10 лет, неухоженный и отстающий в физическом развитии, демонстрирующий негативный спектр эмоций (печаль, гнев, страх, вину) и неадаптивное поведение, но не имеющий каких-либо особенностей (нарушений) здоровья.

Ключевые слова: *социальное сиротство; неблагополучие семьи; детство вне семьи; образ ребенка-сироты.*

Для цитирования: Присяжная Н.В. Конструируемый образ ребенка-сироты в представлениях москвичей. *Социология медицины.* 2019;18(2):78–84.

DOI <http://dx.doi.org/10.18821/1728-2810-2019-18-2-78-84>

Для корреспонденции: Присяжная Надежда Владимировна, канд. социол. наук, зам. директора по научной работе Института социальных наук ФГАОУ ВО Первый МГМУ им И.М. Сеченова; e-mail: nprusova@yandex.ru

Prisyazhnaya N.V.

THE CONSTRUCTIBLE IMAGE OF ORPHAN CHILD IN IDEAS OF MOSCOVITES

The Institute of Social Sciences of The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «The I.M. Sechenov First Moscow State Medical University» of Minzdrav of Russia, 119991, Moscow, Russia

The article considers the ideas of Muscovites concerning issues of social orphanhood, the condition in which child is left without any actual parental care. According to the results of sociological survey the obvious family problems are mostly associated with parents' dependence on psychoactive substances, while condition of "hidden" social orphanhood is developed as a result of high employment or parents' centering on their own interests. At the same time, the ideas expressed by respondents concerning image of socially orphan child had negative connotation that is reflected in the constructible image of orphan child of any gender aged from 7 to 10 years, unkempt and lagging in physical development, demonstrating range of negative emotions (sadness, anger, fear, guilt) and maladaptive behavior but not having any characteristics (disorders) of health.

Keywords: *social orphanhood, family problems, childhood outside the family, the image of an orphan child.*

For citation: Prisyazhnaya N.V. The constructible image of orphan child in ideas of Muscovites. *Sociologiya meditsiny.* 2019;18(2):78–84. (In Russ.)

DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/1728-2810-2019-18-2-78-84>

For correspondence: Prisyazhnaya N.V., candidate of sociological sciences, the Deputy Director of Research Activities of the Institute of Social Sciences of The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «The I.M. Sechenov First Moscow State Medical University»; e-mail: nprusova@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare absence of conflict of interest

Acknowledgment. The study had no sponsor support.

Received 18.10.2019
Accepted 22.12.2019

Социально-экономические, политические и культурные изменения конца XX века обусловили масштабные трансформации на общегосударственном уровне и

на уровне основных, системообразующих социальных институтов и отдельных социальных групп. Одним из следствий указанных социальных потрясений стала

актуализация проблемы социального сиротства вследствие широкой распространенности негативных явлений, затрагивающих прежде всего социальный институт семьи. В этот период фиксируется всплеск числа неблагополучных семей и детей, оставшихся без попечения родителей (до 800 тыс., по разным оценкам). При этом значительная часть детей находилась на вне-семейных формах воспитания: в приютах, детских домах, школах-интернатах [1]. В этот период 145,4 тыс. детей нуждались в устройстве в семью.

По мере стабилизации социально-экономического состояния страны наблюдается устойчивая тенденция снижения числа детей, воспитываемых вне семьи. По состоянию на 31.12.2018 г., в федеральном банке данных о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, стояли на учете 47 442 ребенка, потенциально подлежащих устройству на семейное воспитание [1]. Одновременно с этим предпринимаются меры по своевременному реагированию на ситуацию неблагополучия в семье и восстановлению ее функциональности для сохранения возможности ребенку воспитываться в кровной семье. Кроме того, растет и число случаев восстановления в родительских правах родителей, ранее их лишенных. Вместе с тем общее число детей, оставшихся без попечения кровных родителей (воспитываемых в приемных семьях и в государственных учреждениях), сохраняется практически неизменным — более 700 тыс. несовершеннолетних [2, 3].

В ситуации внесемейного воспитания ребенок сталкивается с нарушением механизма формирования и поддержания социальных связей, отсутствием положительных моделей семейной жизни и понимания необходимости профессиональной самореализации, не имеет устойчивой приверженности к ведению здорового образа жизни и заботе о собственном здоровье, что в дальнейшем, безусловно, влияет на качество его жизни и особенности жизнеустройства.

Выполняя основные воспитательно-образовательные функции, государственные учреждения не могут в полной мере заменить семейное воспитание, и ключевую значимость приобретает поиск замещающей семьи для ребенка, оставшегося без попечения родителей. Однако поиск семьи для устройства такого ребенка требует не только внимательного отбора, но и обучения потенциальных замещающих родителей к принятию ребенка в их семью. С учетом недостаточной информированности населения о проблеме социального сиротства, а также распространенности в обществе негативных стереотипов в отношении указанной группы несовершеннолетних решение этой задачи требует информационной работы с населением.

Материалы и методы

Анкетный опрос жителей Москвы был выполнен в 2015-2016 гг. как часть всероссийского инициативного репрезентативного исследования «Социология социального сиротства в современной России», реализованного автором в 2013-2016 гг. на базе кафедры социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования ФГАОУ ВО Первый Московский государственный медицинский университет (МГМУ) имени И.М. Сеченова (Сеченовский Университет). В

опросе приняли участие респонденты трудоспособного возраста от 20 до 64 лет, постоянно проживающие в Москве ($n=365$). Структура половозрастного распределения соответствовала генеральной совокупности в выделенной адресной категории респондентов [4]. Одной из наиболее серьезных проблем в организации исследования на данной выборочной совокупности стали трудности рекрутирования мужчин. Анкетный опрос был посвящен изучению особенностей функционирования семьи как социального конструкта в современной России и восприятия населением явления социального сиротства. Отдельный блок вопросов был посвящен представлениям респондентов об образе ребенка-социального сироты (оставшегося без попечения родителей), что стало эмпирической основой представленной статьи.

Результаты исследования

Социальное сиротство в настоящее время остается актуальной проблемой большинства стран мира. Тем не менее информированность населения о данной проблеме носит преимущественно дискретный характер. При этом явление социального сиротства у большинства респондентов, принявших участие в исследовании, вызывает ассоциации, имеющие негативную коннотацию (табл. 1).

Проблема социального сиротства воспринимается респондентами как проблема личности, ограничивающая перспективу будущего ребенка, оставшегося без попечения родителей. На втором месте по частоте упоминания участниками исследования — дискурс понимания проблемы социального сиротства как проблемы, требующей внимания государства. Третью ранговую позицию занимают представления жителей Москвы о сиротстве как проблеме общества, при этом респонденты акцентируют внимание на институциональных проблемах общества, обуславливающих нездоровье семьи как ключевого социального института. Четвертую группу мнений объединяет понимание социального сиротства как следствия внутренних проблем семьи.

Таким образом, в представлениях респондентов социальное сиротство воспринимается сквозь призму негативных стереотипов, при этом ассоциативные высказывания носят констатирующий характер и среди всего массива мнений отсутствуют высказывания, отражающие стремление респондента к участию в решении указанной проблемы. Заметим, что респонденты связывают ситуацию внесемейного взросления с личностными факторами — изначально это особенности личности родителей ребенка (эгоизм, безответственность), которые впоследствии обуславливающим образом влияют на жизненный опыт ребенка, определяя условия взросления и формирование у него личности «особого типа» [5].

Одним из вариантов определения ребенка в институциональные условия является отказ матери (родителей) от ребенка сразу после его рождения. По мнению респондентов ($n=350$), основные причины отказа матери (родителей) от ребенка в роддоме, могут быть связаны с плохим материальным положением семьи или матери-одиночки (62%), наличием серьезного (инвалидизирующего) заболевания у ребенка (27,4%), неблагополучием

Т а б л и ц а 1

**Ассоциативные представления москвичей о явлении социального сиротства (n=322%; сумма не равна 100%
из-за открытого формата вопроса и множественных ответов)**

Собирательный образ социального сиротства	Ассоциативные представления	Доля мнений, %
Социальное сиротство как проблема личности ребенка (1-я ранговая позиция в массиве мнений)	Одиночество	23,0
	Бедность, отсутствие необходимых вещей	10,9
	Эмоциональная травма (боль, тоска, отчаяние)	7,1
	Несчастливая жизнь, отсутствие будущего у ребенка	4,7
	Горе, беда человека	4,7
	Беззащитность, беспомощность	4,6
	Вызывает жалость, сочувствие	4,0
	Безнадежность	3,1
	Страх, ужас	3,1
	Нарушение здоровья (в том числе психики)	2,8
	Непонимание	2,8
	Отсутствие любви	1,6
	Несправедливость	0,9
	«Трудное» детство	0,9
	Социальное сиротство как проблема государства (2-я ранговая позиция в массиве мнений)	Детский дом, приют
Дети без родителей		12,1
Беспризорность, бездомность		4,6
Низкий уровень заботы государства		2,2
Криминал, жестокость		2,2
Социальное сиротство как проблема общества (3-я ранговая позиция)	Брошенные, «не нужные» обществу дети	11,2
	«Больное» общество	7,1
	Дети вне общества (изоляция, асоциальность, дети-«маугли»)	7,1
Социальное сиротство как проблема семьи (4-я ранговая позиция в массиве мнений)	Наличие зависимостей у родителей (алкоголизм, наркомания)	6,8
	Безразличие, равнодушие, безответственность родителей	6,5
	Неблагополучие семьи	2,2

и асоциальным образом жизни семьи и наличием алкогольной и/или наркотической зависимости у родителей (21,7%), слишком молодым возрастом матери и нехваткой у нее жизненного опыта (18,3%), эгоизмом матери, в том числе безответственным отношением, равнодушием к ребенку, инфантильностью, желанием сделать карьеру и устроить личную жизнь, (16,9%), неготовностью матери (семьи) к воспитанию нежеланного ребенка (16,3%), одиночным материнством — отсутствием отца ребенка (12,6%), наличием заболевания у матери, препятствующего воспитанию ребенка (6%), давлением общественного мнения и отсутствием необходимой поддержки семьи (отца), например в ситуации незаконнорожденности ребенка (5,7%). Заметим, что 6,3% респондентов отметили, что не могут понять женщин, оставляющих своего ребенка в роддоме, и не считают какие-либо жизненные обстоятельства оправданием такому поступку. Еще 1,7% оправдывают отказ от ребенка отсутствием государственной поддержки семье.

Такое распределение мнений участников опроса очерчивает пул «оправдательных» причин в глазах самих респондентов. В первую очередь — это затруднительное материальное положение матери, наличие заболевания у ребенка или зависимости у матери.

Другим вариантом направления ребенка на вне-семейное воспитание является ситуация изъятия несовершеннолетнего из семьи кровных родителей по причине неблагоприятных жизненных условий и/или невыполнения родительских обязанностей. Среди основных причин неисполнения родителями родительских обязанностей респонденты (n=346) выделили:

- ◆ наличие зависимостей разного рода (алкогольной, наркотической) у родителей, общее неблагополучие и асоциальность семьи (98,2%);
- ◆ эгоизм и безответственность родителей в отношении детей (20,5%);
- ◆ высокая занятость работой родителей из-за необходимости обеспечения семьи и плохого материального положения (15,9%) или желания сделать карьеру (3,5%);
- ◆ нелюбовь к нежеланным детям, равнодушие родителей (14,2%);
- ◆ наличие соматического или психического заболевания у одного или обоих родителей (14,2%);
- ◆ неготовность матери (родителей) выполнять родительские обязанности из-за слишком раннего материнства, незнания и нехватки жизненного опыта (10,1%);

- ♦ жестокость родителей (насилие над детьми) из-за детской психологической травмы (10,1%);
 - ♦ желание одинокой матери устроить личную жизнь (3,2%);
 - ♦ недостаточное внимание государства к семье (1,4%).
- Не видят никаких оправданий для неисполнения заботы над детьми 8,4% респондентов.

Преимущественно, по мнению респондентов, игнорирование родителями своих родительских обязанностей обусловлено наличием у них зависимостей от психоактивных веществ и их безответственным поведением. Тем не менее, на третьем месте по частоте упоминания — высокая занятость родителей работой, что, в том числе, говорит о неустойчивом финансовом положении современной семьи. Значительную долю ответов составляют представления о родителях, не исполняющих родительские обязанности, как о людях, не желающих быть родителями (в силу нелюбви к детям или неготовности к родительству), т. е. описывается ситуация родительской безответственности (интересы родителей превалируют над интересами детей). Заметим, что доля респондентов, считающих, что приоритет ответственности за воспитание детей лежит на родительской семье и выполнение этих обязанностей должно быть доминантным императивом жизни семьи, а неисполнение не может быть оправдано никакими обстоятельствами, составила 8,4%, тогда, как в ситуации отказа от ребенка в роддоме такого мнения придерживаются 6,3% опрошенных. Ситуация отказа от ребенка в роддоме, на взгляд респондентов, является несколько менее травматичной для него, нежели изъятие из семьи.

В представлениях лишь 1,4% участников опроса государство должно оказывать поддержку семье. Ни один респондент не упомянул о необходимости поддержки семьи с детьми общественными структурами.

Помимо явного неблагополучия семьи и детей в ней, в некоторых ситуациях уместно рассматривать внешне благополучную семью как дисфункциональную, не выполняющую свои задачи по воспитанию и развитию ребенка (детей). Эта ситуация в научной литературе чаще всего описывается как скрытое социаль-

ное сиротство. В целом с ситуацией скрытого сиротства сталкивались, по их собственным оценкам, 27,7% респондентов. Описанные наблюдения этой группы респондентов были сгруппированы по наиболее значимому признаку (см. рисунок).

По наблюдениям респондентов, невыполнение родительских обязанностей родителями во внешне благополучной семье обусловлено высокой трудовой занятостью родителей и их увлеченностью своими интересами. Интересно, что, помимо «традиционных» зависимостей, в настоящее время респондентами выделяется зависимость родителей от гаджетов и новых технологий в ущерб непосредственному взаимодействию с ребенком и воспитательным функциям семьи. Во многом вариант «отсутствие любви к детям, формальная забота о ребенке» также может быть обусловлен двумя «лидирующими» представлениями. Другие группы мнений существенно менее распространены среди опрошенных. Заметим, что скрытое социальное сиротство, по представлениям респондентов, не связано с какими-либо зависимостями родителей, и во многом это проблемы приоритета интересов родителей над интересами детей (что соотносится с данными по явному неблагополучию семьи), но семья сохраняет внешний статус «благополучной» по формальным признакам (отсутствие зависимостей у родителей, хороший материальный уровень, наличие работы у родителей).

Одним из направлений исследования было изучение представлений респондентов об образе ребенка-социального сироты (оставшегося без попечения родителей). Среди высказываний-описаний респондентов чаще всего упоминались такие собирательные типы ребенка-социального сироты, как «худой, забитый, с проблемами в здоровье», «наглый, агрессивный, курит», «обиженный, необщительный, замкнутый, несчастный». При детальном описании участниками опроса ($n=322$) образа ребенка, оставшегося без попечения родителей, абсолютное большинство отметили, что пол может быть любым, однако, преимущественно, использовали местоимения мужского рода («он», «его», «него»).

Факторы, влияющие на формирование ситуации скрытого социального сиротства в наблюдениях респондентов ($n=97$; сумма не равна 100% из-за открытого формата вопроса и множественных ответов).

Возраст, в котором дети чаще всего остаются без попечения родителей, на взгляд респондентов, может быть любым. Разброс мнений в этом вопросе затрагивает градацию от 1 до 18 лет, тем не менее выделяется модальный интервал от 7 до 10 лет включительно.

При описании внешнего вида ребенка-социального сироты респонденты чаще всего использовали стереотипные выражения с негативными коннотациями: «неухаживаемый, плохо одетый, неопрятный» (18,9%) и «худой, недокормленный, бледный, отстает в физическом развитии» (18,2%). В представлениях еще 3,1% участников опроса дети, оставшиеся без попечения родителей, могут страдать от жестокого обращения родителей и сверстников («в синяках», «со садинами» и др.). Тем не менее, 13,4% респондентов отметили, что ребенок, оставшийся без попечения родителей, «такой же, как все и не отличается от сверстников».

В представлениях большинства жителей Москвы ребенок, оставшийся без попечения родителей, не имеет каких-либо особенностей (нарушений) здоровья. Тем не менее 8,7% респондентов считают, что у таких детей чаще наблюдаются нарушения психического здоровья (умственная отсталость). По мнению еще 3,1% опрошенных, дети без попечения родителей могут иметь такие зависимости, как курение (2,8%) и привычку к употреблению алкогольных напитков (0,3%). Кроме того, этот вопрос соотносится с описанием внешнего вида ребенка-сироты, в котором респонденты отметили общее отставание в физическом развитии детей, оставшихся без попечения родителей.

Важной составляющей здоровья человека является эмоциональное благополучие. Заметим, что в психологической практике признается, что эмоции как системный стимуляционный градиент, формируются на основе жизненного опыта человека, условий социализации и фактической (в реальном времени) окружающей его среды [6, 7-12]. Согласно теории дифференциальных эмоций К. Изарда, среди десяти основных фундаментальных эмоций три (интерес, радость, удивление) являются положительными, а семь (печаль/страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина) — отрицательными [13]. Каждая фундаментальная эмоция имеет широкий спектр и полярность воплощений, а также может сочетаться с другими эмоциями в зависимости от ситуации, при этом богатство эмоциональной палитры является неотъемлемой составляющей мотивационных драйверов взаимодействия в рамках социума.

На взгляд респондентов, у детей, оставшихся без попечения родителей, наблюдается калейдоскоп эмоциональных состояний, преимущественно негативно окрашенных:

Печаль («грустный», «несчастный», «подавленный», «обиженный», «потерянный» — такие характеристики содержат 23% высказываний) и страдание («одиноким», «недолобленный», «травмирован отсутствием любви» — 16,8% респондентов придерживаются такого мнения); совокупно 39,8% участников опроса считают, что именно эта эмоция является доминирующей в эмоциональном спектре социальных сирот.

В представлениях 29,2% опрошенных у детей, оставшихся без попечения родителей, чаще всего на-

блюдается эмоция гнева («агрессивный», «озлоблен на мир»).

12,7% респондентов характеризуют эмоциональное состояние ребенка-сироты как состояние страха («испуганный», «забитый», «загнанный», «беспомощный»).

На взгляд 0,9% участников опроса ведущей эмоцией ребенка, находящегося на государственном устройстве, является вина («верит, что мама скоро его заберет», «чувствует, что его оставили, потому, что он плохой»).

Таким образом, в представлениях респондентов, ребенок, оставшийся без попечения родителей, находится в состоянии хронического эмоционально-негативного переживания (стресса).

Эмоциональное благополучие играет важную роль в жизни ребенка. Эмоции помогают установить взаимодействие и тесно связаны с его поведенческими особенностями. На вопрос об особенностях поведения ребенка, оставшегося без попечения родителей, абсолютное большинство выразивших свое мнение по этому вопросу ($n=106$) отметили ряд проблем, которые, на их взгляд, присущи детям данной категории: нарушения социальной адаптации (21,7%), грубость в общении со взрослыми (17,9%) и недоверие к ним (26,4%), «трудное» поведение с целью привлечения внимания (16%). Кроме того, 18% считают, что дети, получившие опыт проживания в неблагополучной семье, потенциально могут трансформировать отрицательный социальный «багаж знаний» в модель своей будущей жизни и вести девиантный и делинквентный образ жизни после выпуска из государственного учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (школ-интернатов, детских домов).

Негативные поведенческие проявления чаще всего связаны с погрешностями адаптации к социальной среде и нормам этой среды. Исходя из этого понимания, поведенческие особенности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, представленные во мнениях респондентов, можно охарактеризовать как неадаптивное поведение.

Во многом эмоциональные проявления и поведение ребенка обуславливаются особенностями его характера. При описании характера ребенка, оставшегося без попечения родителей, респонденты ($n=183$) в качестве ведущих черт характера выделяли:

- ◆ замкнутость, молчаливость (56,3%);
- ◆ самостоятельность, сильную волю, целеустремленность (14,8%);
- ◆ неуверенность в себе, стеснительность (10,9%);
- ◆ вспыльчивость, неуравновешенность (8,7%);
- ◆ спокойствие до апатичности (6,6%);
- ◆ эгоистичность, безответственность (2,7%).

Таким образом, в представлениях респондентов у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ведущие черты характера преимущественно отрицательные.

Обсуждение

Результаты исследования показывают, что в настоящее время жителями Москвы явление социального сиротства все еще воспринимается сквозь призму негативных стереотипов. По мнению респондентов, явное

игнорирование родителями своих родительских обязанностей обусловлено наличием у них зависимостей от психоактивных веществ и их безответственным поведением, тогда как в ситуации скрытого неблагополучия семьи невниманием родителей к потребностям детей обусловлено высокой занятостью работой и/или приоритетом интересов родителей над интересами детей, что соотносится с данными о явном неблагополучии семьи. Конструированный на основе представлений москвичей образ ребенка, оставшегося без попечения родителей, — это ребенок любого пола в возрасте от 7 до 10 лет, неухоженный и отстающий в физическом развитии, демонстрирующий негативный спектр эмоций (печаль, гнев, страх, вину) и неадаптивное поведение, но не имеющий каких-либо особенностей (нарушений) здоровья.

Такой образ во многом соотносится с результатами более ранних отечественных исследований. Так, в представлениях россиян в начале нового тысячелетия социальное сиротство связывалось в первую очередь с двумя «образами сиротства»: с одной стороны, несчастный брошенный ребенок, с другой — агрессивный девиант-подросток [1, 14, 15]. Основными установками, распространенными в российском обществе, в отношении проблемы социального сиротства являлись желание дистанцироваться от этого негативного социального явления, страх, неконструктивная жалость без попытки принять участие в судьбе сирот и делегирование заботы о детях, оставшихся без попечения, преимущественно государственным структурам [15].

По данным нашего исследования, в настоящее время наблюдается изменение дихотомичного отношения россиян к проблеме социального сиротства (жалость *versus* неприязнь и страх): несмотря на все еще распространенные устойчивые негативные установки в отношении детей, воспитывающихся вне семьи, значимая доля (13,4%) респондентов признает, что дети, оставшиеся без попечения родителей — обычные дети в необычных обстоятельствах.

Не случайно в современных отечественных социологических публикациях раскрывается необходимость признания особого мира детства, а разрабатываемые научные концепции в русле социологии детства «позволяют увидеть проблемы детей глазами самого ребенка» [16]. Это способствует лучшему пониманию обстоятельств взросления детей в семьях и расширению диапазона государственных мер, направленных на профилактику социального сиротства. Так, сегодня в научной литературе все чаще мишенью внимания выступает роль государства в решении проблемы социальных сирот и молодежи, имеющей опыт семейного неблагополучия [10, 17-20]. Однако роль государства как системы обеспечения устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на современном этапе меняется: от государственных структур все чаще ожидается принятие мер по поддержке семьи и превенции ее неблагополучия.

Ключевую роль семьи для благополучия человека, влияние особенностей семейного климата на жизненный путь, здоровье, мировоззрение детей и взрослых членов семьи невозможно переоценить [15, 21]. Семья (в понимании жизненного сценария Э. Берна) опре-

деляет «стартовый» жизненный потенциал ребенка и определяет сценарий его будущей жизни [22]. Л.М. Аланен рассматривает детство как феномен, который нужно анализировать, исходя из понимания переплетений жизненного опыта и идентичностей ребенка [23]. Апеллируя к пониманию мира детства как пространства жизненных смыслов, исходя из основных положений концепции социологии жизни Ж.Т. Тощенко [24], взросление вне семейной среды выступает ключевым императивом (социально-экономическим, культурным, мировоззренческим) последующего жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Заключение

Проблема социального сиротства в большинстве случаев для россиян все еще остается *terra incognita*, а дети, оставшиеся без попечения родителей, чаще всего воспринимаются через призму распространенных негативных стереотипов. Тем не менее, понимание детства как особой среды и особой темпоральной характеристики жизни задает новый вектор понимания необходимости поддержки семьи и включения общественных структур в решение проблемы неблагополучия семьи.

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Усыновление в России. Обращение к сайту <http://www.usynovite.ru/statistics/2004/amount> 02.10.2019 г.
2. Российский статистический ежегодник. 2003: Стат. сб. М.: Госкомстат России; 2003.
3. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. М.: Росстат; 2017.
4. Российский статистический ежегодник. 2013. Обращение к сайту <https://www.gks.ru/folder/210/document/12994> 02.10.2019 г.
5. Дубровина И.В., Лисина М.И. Особенности психического развития детей в семье и вне семьи. В кн.: *Возрастные особенности психического развития детей*. М.: Педагогика; 2002.
6. Michael D. Burroughs, Nikolaus J. Barkauskas Educating the whole child: social-emotional learning and ethics education. *Ethics and Education*. 2017;12(2):218-32 DOI: 10.1080/17449642.2017.1287388.
7. Rokach A. Emotions and their Influence on our Personal. *Interpersonal and Social Experiences*. 2018; DOI: 10.4324/9781315100319.
8. Scheff Th. Social-Emotional World: Mapping a Continent. *Current Sociology*. 2011;59(3): 347-61.
9. Strang N., Hanson J., Pollak S. The importance of biological methods in linking social experience with social and emotional development. *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2012. DOI: 77.10.1111/j.1540-5834.2011.00662.x.
10. Vitaro Frank, Pelletier Daniel, Coutu Sylvain. Effects of a negative social experience on the emotional and social-cognitive responses of aggressive-rejected children. *Perceptual and motor skills*. 1989;69:371-82 P. DOI: 10.2466/pms.1989.69.2.371.
11. Симонова О.А. Базовые принципы социологии эмоций. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика*. 2016;(4): 12-27.
12. Фельдман Б.Л. Как рождаются эмоции: революция в понимании мозга и управлении эмоциями. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2018.
13. Изард И. Эмоции человека. М.: 1980.
14. Присяжная Н.В. Дети-сироты: постинтернатное жизнеустройство. *Социологические исследования*. 2007;(11):54-63.
15. Проблема детей-сирот в общественном мнении (исследование по заказу организации «Кидсейв Интернешнл») (3200

- респондентов в 14 регионах РФ в возрасте от 18 до 65 лет, проведено в 2003 г.). *CSR Research*; 2003.
16. Саралиева З.Х.-М., Кутявина Е.Е. Голос детей и детский взгляд на взрослые проблемы. *Социологические исследования*. 2018;(3):70-6.
 17. Kulmala M., Rasell M., Chernova Z.V. Overhauling Russia's Child Welfare System: Institutional and Ideational Factors Behind the Paradigm Shift. *The Journal of Social Policy Studies*. 2017;15(3): 353-366 P.
 18. Дуденкова И. «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией. *Социология власти*. 2014;(3):47-59.
 19. Шпаковская Л. «Подкидыши»: репрезентации приемного родительства в современной России. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018; 21 (3):71-92.
 20. Ярская-Смирнова Е.Р., Присяжнюк Д.И., Вербилович О.Е. Приемная семья в России: публичный дискурс и мнения ключевых акторов. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2015;(4):157-73.
 21. Reshetnikov A.V. *Sociology of Medicine: textbook*. М.: GEOTAR-Media: 2016.
 22. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Бомбора; 2013
 23. Аланен Л.М. Теория пересечений и другие вызовы теоретизирования детства. *Социологические исследования*. 2018;(3):94-7.
 24. Тощенко Ж.Т. Смыслы как качественная и сущностная характеристика социологии жизни. *Гуманитарий Юга России*. 2017;(5):13-28.
 25. Решетников А.В. Социальный институт медицины. *Социология медицины*. 2018;(1):3-11.
- Поступила 18.10.2019
Принята в печать 22.12.2019
- #### REFERENCES
1. Usynovlenie v Rossii. Obrashhenie k sajtu <http://www.usynovite.ru/statistics/2004/amount> 02.10.2019g. (in Russian)
 2. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2003: Stat.sb.Moscow: Goskomstat Rossii; 2003. (in Russian)
 3. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2017: Stat.sb. Rosstat. Moscow: 2017. (in Russian)
 4. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2013. Obrashhenie k sajtu <https://www.gks.ru/folder/210/document/12994> 02.10.2019g. (in Russian)
 5. Dubrovina I.V., Lisina M.I. Osobennosti psixicheskogo razvitiya detej v seme i vne semi . Vozrastnye osobennosti psixicheskogo razvitiya detej/ Moscow: Pedagogika; 2002. (in Russian)
 6. Michael D. Burroughs & Nikolaus J. Barkauskas Educating the whole child: social-emotional learning and ethics education. *Ethics and Education*. 2017; 12 (2):218-32 DOI: 10.1080/17449642.2017.1287388.
 7. Rokach A. Emotions and their Influence on our Personal. Interpersonal and Social Experiences. 2018. DOI: 10.4324/9781315100319.
 8. Scheff Th. Social-Emotional World: Mapping a Continent. *Current Sociology*. 2011; 59(3): 347–61.
 9. Strang N., Hanson J., Pollak S. The importance of biological methods in linking social experience with social and emotional development. *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2012. DOI: 77. 10.1111/j.1540-5834.2011.00662.x.
 10. Vitaro F., Pelletier D., Coutu S. Effects of a negative social experience on the emotional and social-cognitive responses of aggressive-rejected children. *Perceptual and motor skills*. 1989;(69): 371-82 P. DOI: 10.2466/pms.1989.69.2.371.
 11. Simonova O.A. Bazovy'e principy` sociologii e`mocij. *Vestnik Sankt Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psixologiya. Sociologiya. Pedagogika*. 2016;(4): 12–27. (in Russian)
 12. Fel'dman B.L. Kak rozhdayutsya e`mocii: revolyuciya v ponimanii mozga i upravlenii e`mociyami. Per. s angl. E. Ponikarova. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2018 (in Russian)
 13. Izard I. Emotsii cheloveka. Moscow: 1980; 52-71. (in Russian)
 14. Prisyazhnaya N.V. Deti-sirotы: postinternatnoe zhizneustrojstvo. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2007;11:54-63. (in Russian)
 15. Problema detej-sirot v obshhestvennom mnenii (issledovanie po zakazu organizacii «Kidsejv Interneshnl») (3200 respondentov v 14 regionax RF v vozraste ot 18 do 65 let, provedeno v 2003 g.) *CSR Research*. 2003. (in Russian)
 16. Saralievа Z.X.-M., Kutjavina E.E. Golos detej i detskij vzglyad na vzroslye problemy. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2018;(3): 70-6. (in Russian)
 17. Kulmala M., Rasell M., Chernova Z.V. Overhauling Russia's Child Welfare System: Institutional and Ideational Factors Behind the Paradigm Shift . *The Journal of Social Policy Studies*. 2017;15(3): 353–66 (in Russian)
 18. Dudenkova I. «Detskij vopros» v sociologii: mezhdru normativnostyu i avtonomiej. *Sociologiya vlasti*. 2014;(3): 47–59. (in Russian)
 19. Shpakovskaya L. «Podkidy'shi»: reprezentacii priemnogo roditel'stva v sovremennoj Rossii. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2018;(3): 71–92. (in Russian)
 20. Yarskaya-Smirnova E.R., Prisyazhnyuk D.I., Verbilovich O.E. Priemnaya semya v Rossii: publichny'j diskurs i mneniya klyuchevykh aktorov. *Zhurnal sociologii i sotsialnoj antropologii*. 2015;(4): 157-73. (in Russian)
 21. Reshetnikov A.V. *Sociology of Medicine: textbook*. М.: GEOTAR-Media; 2016. (in Russian)
 22. Bern E. Igrы, v kotorye igraut lyudi. Lyudi, kotorye igraut v igry. Moscow: Bombora; 2013. (in Russian)
 23. Alanen L.M. Teoriya peresechenij i drugie vyzovy teoretizirovaniya detstva. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2018;(3):94-7. (in Russian)
 24. Toshhenko Zh.T. Smysly kak kachestvennaya i sushhnostnaya kharakteristika sociologii zhizni. *Gumanitarij Yuga Rossii*. 2017;(5): 13-28. (in Russian)
 25. Reshetnikov A.V. Socialny'j institut mediciny. *Sociologiya mediciny*. 2018;(1):3-11. (in Russian)